

обращался и к истории философии, и к истории науки, и к современной западной литературе по эпистемологии и философии науки (одним из крупнейших знатоков которой он был), и к современной логике, психологии, семиотике, наконец, к теории и истории культуры.

Владимира Сергеевича интересовала возможность неклассического понимания философии, эпистемологии, рациональности. Эти вопросы он рассматривал не как частные, а как связанные с пониманием эпистемологии в целом, с разработкой новой программы исследований в ней и нахождением новых способов формулировки и обсуждения проблем. Для него идея неклассической эпистемологии связана с пониманием современного этапа в изучении познавательных процессов, в частности, с появлением и интенсивным развитием специальных когнитивных наук. С другой стороны, необходимость неклассического понимания эпистемологии определяется, с его точки зрения, новой ролью и новым обликом знания, производство, распределение и использование которого определяет важнейшие социальные и экономические процессы возникшего «общества знаний».

Я не только работал в одном секторе с Владимиром Сергеевичем. Он был моим близким другом.

Ряд работ мы написали вместе. Из наших совместных публикаций я назову только две, которые, как мне представляется, имели в своё время резонанс. Это статья «Философия» в 5 томе «Философской энциклопедии» (М., 1970; другие соавторы этого текста – такие интереснейшие люди, как Э.Г.Юдин и А.П.Огурцов) и «Методологический анализ науки (типы и уровни)» в книге «Философия, методология, наука» (М., 1972). По поводу второй статьи скажу только, что обоснованная в ней идея о наличии разных уровней методологических исследований, не сводимых, таким образом, только к философским, вызвала гневную отповедь с обвинениями в отступлении от марксизма одного из главных тогда идеологов от философии Л.Ф.Ильичёва (одно время он был секретарём ЦК КПСС по идеологии). Между тем обоснованная в статье идея о наличии разных уровней методологии была использована потом в интенсивно развивавшихся в те годы системно-структурных исследованиях и в анализе общенаучных методов.

О Владимире Сергеевиче как о философе и человеке я мог бы написать много. Отложу это до другого раза. Сейчас я хочу только подчеркнуть, что в книге, посвящённой его памяти, авторы обсуждают те проблемы, которые он глубоко исследовал и которые действительно определяют облик современной эпистемологии.

В качестве приложения мы перепечатываем статью Владимира Сергеевича Швырёва «Мой путь в философии».

В.А. Лекторский

О классической и неклассической эпистемологии

Сегодня ряд авторов как у нас, так и за рубежом, пишет о необходимости преодоления или переосмысления того, что называется классической эпистемологией (теорией познания). В связи с этим иногда выдвигается идея неклассической эпистемологии. В других случаях предлагается создание какой-то новой дисциплины: «эпистемика» у А.Голдмана¹, новая эпистемология у С.Тулмина², новое понимание эпистемологии у К.Поппера³ и т. д. Обсуждение этого круга идей имеет традицию и в нашей стране⁴. Раньше у нас говорилось о различии классической теории познания и теории познания марксистской (которая выступала в этой связи как неклассическая). Сегодня ряд наших философов связывает неклассичность эпистемологии с её междисциплинарностью, с «лингвистическим поворотом» в философии, с появлением социальной эпистемологии и другими сюжетами современной философии. Некоторые авторы предлагают заменить теорию познания широко понятой «философией познания». Встречаются и рассуждения о том, что все старые категории традиционной эпистемологии: субъект, объект, реальность, объективность знания, рациональность, истина – потеряли сегодня смысл. Ясно, что в случае такого понимания теряет право на существование и сама эпистемология.

Таким образом, рассуждения о преодолении классической эпистемологии имеют разный смысл и сопровождаются разными рекомендациями.

Но нужно ли вообще ставить вопрос о переосмыслении эпистемологии?

Я считаю, что нужно. Это, как мне представляется, обусловлено двумя группами фактов. Во-первых, тем, что человечество вступает в общество знаний (информационное общество), в котором проблемы получения, распределения и использования знаний во многом определяют социальные и экономические процессы. Знание начинает играть новую роль в человеческой жизни и выступает в новом облики. С этим обстоятельством связано и бурное развитие исследований познавательных процессов. Если в прошлом изучением познания занималась философия, а потом психология, то сегодня это множество специальных когнитивных дисциплин, иногда объединяемых в когнитивную науку. Будущее цивилизации многие специалисты связывают с конвергенцией таких технологий, как био- и нанотехнологии, а также технологии информационные и когнитивные. Во-вторых, необходимость нового понимания знания и познания диктуется отказом современной науки и философии от претензий на абсолютизм. Понимание релятивности знания и познавательных норм, трудность во многих случаях провести различие знания и верования, информации и дезинформации – всё это определяет недостаточность тех способов понимания знания и познания, которые были выработаны в классической эпистемологии, и необходимость какого-то иного понимания знания и познания и другого представления о возможностях той дисциплины, которая называется эпистемологией.

Я хочу сразу же подчеркнуть, что являюсь сторонником разработки неклассической эпистемологии. Но для меня последняя не есть отрицание классической философской тематики в понимании познания, а лишь новый способ её разработки, учитывающий современную социальную, культурную и научную реальность. Классическая эпистемологическая тематика переосмысливается. Вместе с тем в эпистемологии возникает множество новых проблем. Колоссально расширяется сфера её приложений.

Мне приходилось неоднократно писать на эту тему. Об этих сюжетах неоднократно размышлял и Владимир Сергеевич Швырёв, в частности, в знаменитой статье трёх авторов о классической и неклассической буржуазной философии⁵, а также в не

так давно опубликованной статье о рациональности (написанной в соавторстве с И.Т.Касавиным и мною)⁶. Попробую высказать некоторые соображения на эту тему.

Но сначала о самом понимании классической и неклассической эпистемологии. Очень важно иметь в виду, что под классической я не имею в виду все эпистемологические рассуждения, имевшиеся в истории философии. Я считаю, что классической эпистемология стала только в XVII в., после известного «эпистемологического поворота», когда теоретико-познавательная тематика стала для философии центральной, а эпистемология начала играть роль «первой философии». До этого она успешно разрабатывалась: достаточно вспомнить, что основные моменты понимания того, что считать знанием, высказал ещё Платон. Однако до XVII столетия эпистемологическая тематика исследовалась в подчинении онтологическим проблемам. Классическим, по моему мнению, нужно считать тот способ задания и обсуждения эпистемологических проблем, который возник именно в XVII столетии.

Можно выделить несколько особенностей классической эпистемологии.

1. *Критицизм*. В сущности вся философия возникает как недоверие к традиции, к тому, что навязывается индивиду внешним (природным и социальным) окружением. Эпистемология – это критика того, что считается знанием в обыденном здравом смысле, в имеющейся в данное время науке, в других философских системах. Поэтому исходной для эпистемологии является проблема иллюзии и реальности, мнения и знания. Эта тематика была хорошо сформулирована уже Платоном в диалоге «Теэтет». Что считать знанием? Ясно, что это не может быть общепринятое мнение, ибо оно может быть общим заблуждением, это не может быть и просто мнение, которому соответствует реальное положение дел (т. е. истинное высказывание), ибо соответствие между содержанием высказывания и реальностью может быть чисто случайным. Платон приходит к выводу о том, что знание предполагает не только соответствие содержания высказывания и реальности, но и *обоснованность* первого.

Проблема обоснования знания становится центральной в западноевропейской философии начиная с XVII в. Это связано с становлением нетрадиционного общества, с появлением свободно-

го индивида, полагающегося на самого себя. Что именно можно считать достаточным обоснованием знания? Этот вопрос оказывается в центре философских дискуссий. Эпистемология выступает прежде всего как критика сложившихся метафизических систем и принятых систем знания с точки зрения определённого идеала знания. Для Ф.Бэкона и Р.Декарта это критика схоластической метафизики и перипатетической науки. Для Д.Беркли это критика материализма и ряда идей новой науки, в частности, идеи абсолютного пространства и времени в физике Ньютона и идеи бесконечно малых величин в разработанном в это время дифференциальном и интегральном исчислении (последующая история науки показала правоту критического анализа, данного Беркли, некоторых оснований науки Нового времени). Кант использует свою эпистемологическую конструкцию для демонстрации невозможности традиционной онтологии, а также и некоторых научных дисциплин (например, психологии как теоретической, а не описательной науки). Сама система кантовской философии, в основе которой лежит эпистемология, носит название критической. Критицизм определяет главный пафос и других эпистемологических построений классического типа. Так, например, для Э.Маха его эпистемология выступает как способ обоснования идеала описательной науки, а в связи с этим критики идей абсолютного пространства и времени классической физики (эта критика была использована А.Эйнштейном при создании специальной теории относительности), а также атомной теории (что было отвергнуто наукой). Логические позитивисты использовали свой эпистемологический принцип верификации для критики ряда утверждений не только в философии, но и в науке (в физике, в психологии), а К.Поппер с помощью принципа фальсификации пытался продемонстрировать ненаучность марксизма и психоанализа.

2. *Фундаментализм и нормативизм.* Сам идеал знания, на основе которого решается задача критики, должен быть обоснован. Иными словами, следует найти такой фундамент всех наших знаний, относительно которого не возникает никаких сомнений. Всё то, что претендует на знание, но в действительности не покоится на этом фундаменте, должно быть отвергнуто. Поэтому поиск основания знаний не тождественен простому выяснению причинных зависимостей между разными психическими образованиями

(например, между ощущением, восприятием и мышлением), а направлен на выявление таких знаний, соответствие которым может служить *нормой*. Иными словами, следует различать то, что фактически имеет место в познающем сознании (а всё, что в нём есть, например иллюзия восприятия или заблуждение мышления, чем-то *причинно* обусловлено) и то, что *должно* быть для того, чтобы считаться знанием (т. е. то, что соответствует *норме*). При этом в истории философии нередко нормативное смешивалось с фактически сущим и выдавалось за последнее.

В этом своём качестве эпистемология выступала не только в качестве критики, но и как средство утверждения определённых типов знания, как средство их своеобразной культурной легитимации. Так, согласно Платону, чувственное восприятие не может дать знание, по-настоящему можно знать только то, о чём учит математика. Поэтому с этой точки зрения в строгом смысле слова не может быть науки об эмпирических феноменах, идеал науки – геометрия Эвклида. По Аристотелю, дело обстоит иначе: чувственный опыт говорит нечто о реальности. Опытная наука возможна, но она не может быть математической, ибо опыт качествен и не математизируем. Новоевропейская наука, возникшая после Коперника и Галилея, по сути дела синтезировала программы Платона и Аристотеля в виде программы математического естествознания, основанного на эксперименте: эмпирическая наука возможна, но не на основе описания того, что дано в опыте, а на основе искусственного конструирования в эксперименте (а это предполагает использование математики) того, что исследуется. В основе этой программы лежит определённая установка: реальность дана в чувственном опыте, но её глубинный механизм постигается с помощью её препарирования и математической обработки. Эпистемология в этом случае выступает как способ обоснования и узаконения новой науки, которая противоречит и старой традиции, и здравому смыслу, является чем-то странным и необычным.

В связи с этим я хочу обратить внимание на принципиальное разделение, характерное для классической эпистемологии, – это разделение на *психологистов* и *анти-психологистов*. Конечно, все философы различали причинное объяснение тех или иных феноменов сознания и их нормативное оправдание. Однако для психологистов (к ним относятся все эмпирики, а также некоторые сторон-

ники теории «врождённых идей») норма, обеспечивающая связь познания с реальностью, коренится в самом эмпирически данном сознании. Это определённый факт сознания. Эпистемология в связи с этим основывается на психологии, изучающей эмпирическое сознание. Исторически многие исследователи в области эпистемологии были одновременно и выдающимися психологами (Д.Беркли, Д.Юм, Э.Мах и др.). Для анти-психологистов нормы, говорящие не о сущем, а о должном, не могут быть просто фактами индивидуального эмпирического сознания. Ведь эти нормы имеют всеобщий, обязательный и необходимый характер, они не могут быть поэтому получены путём простого индуктивного обобщения чего бы то ни было, в том числе и работы эмпирического сознания и познания. Поэтому их источник следует искать в другой области. Для философского трансцендентализма (Кант, неокантианцы, феноменология) этой областью является трансцендентальное сознание, отличное от обычного эмпирического, хотя и присутствующее в последнем. Методом эпистемологического исследования в этом случае не может быть эмпирический анализ психологических данных. Для Канта это особый трансцендентальный метод анализа сознания. Феноменологи в качестве такого метода предлагают особое интуитивное схватывание сущностных структур сознания и их описание. Эпистемология в последнем случае оказывается вовсе не теорией в точном смысле слова, а дескриптивной дисциплиной, хотя описание относится не к эмпирическим фактам, а к особому рода априорным феноменам. К тому же эта дисциплина не зависит ни от каких других (в том числе и от психологии), а предшествует им.

Анти-психологизм в эпистемологии был своеобразно продолжен в аналитической философии. Здесь он был понят как анализ языка. Правда, сам этот анализ является уже не трансцендентальной процедурой, а процедурой вполне эмпирической, но имеющей дело не с фактами эмпирического сознания (как это было у психологистов), а с фактами «глубинной грамматики» языка. В рамках этого подхода эпистемология была истолкована как аналитическая дисциплина, а старая эпистемология раскритикована, в частности Л.Витгенштейном, как несостоятельная «философия психологии». Такие принципы, задающие нормативы знания, как верификация и фальсификация, были поняты как укоренённые в структурах языка. В связи с этим был чётко разделён «контекст открытия» того

или иного утверждения, являющийся предметом психологического исследования, от «контекста обоснования», с которым имеет дело философский анализ.

3. *Субъектоцентризм*. В качестве несомненного и неоспоримого базиса, на котором можно строить систему знания, выступает сам факт существования субъекта. С точки зрения Декарта – это вообще единственный самодостовверный факт. Во всём остальном, в том числе и в существовании внешнего моему сознанию мира и других людей, можно усомниться (таким образом, критицизм, характерный для всей классической эпистемологической традиции, многократно усиливается принятием этого тезиса). Знание о том, что существует в сознании – неоспоримо и непосредственно. Знание о внешних моему сознанию вещах – опосредованно. Для эмпириков таким неоспоримым статусом обладают данные в моём сознании – ощущения. Для рационалистов – это априорные формы сознания субъекта. Так возникают специфические проблемы классической эпистемологии: как возможно знание внешнего мира и сознания других людей? Их решение оказалось весьма трудным, в том числе не только для философии, но и для эмпирических наук о человеке, принявших субъектоцентрическую установку классической эпистемологии в частности, для психологии. Для целого ряда философов и учёных, разделявших принципиальную установку классической эпистемологии относительно непосредственной данности состояний сознания и в то же время не сомневавшихся в такой же очевидности факта существования внешних предметов (материализм, реализм), оказалось трудным согласовать эти положения. Отсюда идеи Г.Гельмгольца об «иероглифическом» отношении ощущений к реальности, «закон специфической энергии органов чувств» И.Мюллера и др.

Ряд представителей эпистемологии предложили «снять» саму проблему отношения знания и внешнего мира, истолковав сознание субъекта в качестве единственной реальности: для эмпириков это ощущения, для рационалистов априорные структуры сознания. Мир (в том числе другие люди) выступает в этом случае либо как совокупность ощущений, либо как рациональная конструкция субъекта. С критикой этого положения выступили представители разных реалистических школ, однако до тех пор, пока познание продолжало пониматься только как факт индивидуального созна-

ния, как нечто, происходящее лишь «внутри» субъекта (хотя бы и причинно обусловленное событиями внешнего мира), отмеченные трудности не могли быть решены.

Если Декарт не различает эмпирического и трансцендентального субъектов, то в последующем такое различие осуществляется. Эмпирики и психологи имеют дело с индивидуальным субъектом, трансценденталисты с трансцендентальным. Так, например, для Канта является несомненным, что предметы, данные мне в опыте, существуют независимо от меня как эмпирического индивида. Однако сам этот опыт сконструирован трансцендентальным субъектом. Трансцендентальное единство апперцепции этого субъекта является даже гарантом объективности опыта. Для Гуссерля несомненной реальностью является данность феноменов трансцендентальному сознанию. Что касается соотношения этих феноменов с внешней реальностью, то от этих вопросов феноменология «воздерживается».

4. *Наукоцентризм.* Эпистемология приобрела классический вид именно в связи с возникновением науки Нового времени и во многом выступала как средство легитимации этой науки. Поэтому большинство эпистемологических систем исходило из того, что именно научное знание, как оно было представлено в математическом естествознании этого времени, является высшим типом знания, а то, что говорит наука о мире, – то и существует на самом деле. Многие проблемы, обсуждавшиеся в классической эпистемологии, могут быть поняты только в свете этой установки. Такова, например, обсуждавшаяся Т.Гоббсом, Д.Локком и многими другими проблема т.н. первичных и вторичных качеств, одни из которых (тяжесть, форма, расположение и др.) считаются принадлежащими самим реальным предметам, а другие (цвет, запах, вкус и др.) рассматриваются как возникающие в сознании субъекта при воздействии предметов внешнего мира на органы чувств. Что существует реально и что реально не существует, в данном случае полностью определяется тем, что говорила о реальности классическая физика. Кантовская эпистемология может быть понята как обоснование классической ньютоновской механики. Для Канта факт существования научного знания является исходно оправданным. Два вопроса его «Критики чистого разума» – «как возможна чистая математика» и «как возможно чистое естествознание» – не